

ОКО БЕЗДНЫ

КАТРИН ФЕСАН

18+

Катрин Фесан

Око бездны

«Автор»

2026

Фесан К.

Око бездны / К. Фесан — «Автор», 2026

Ты когда-нибудь просыпался от того, что кто-то смотрит на тебя? Не сквозь окно. Не из угла. Изнутри. Из той части твоего мозга, которую ты заблокировал, чтобы не сойти с ума. Они приходят не как монстры. Они приходят как воспоминания. Тихие. Смеющиеся. С чёрными дырами вместо глаз. Их не вызвали. Их не создали. Их просто впустили. В ту ночь родились четверо. Трое — с глазами, в которых нет света. Четвёртый — с глазами, полными неба. Его назвали нормальным. Его отправили домой. Его заставили забыть... Забыть, что он — не ошибка. Он — ключ. И когда он вспомнит — тишина станет громче крика. А тьма — роднее, чем свет. Они уже рядом. Чувствуешь?

© Фесан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Катрин Фесан

Око бездны

Глава 1

ПРОЛОГ. День, когда пришли

В 3:47 утра по местному времени в родильном отделении городской больницы №14 пропало электричество. Не вырубило автоматы, не погас свет. Просто ушло. Пациентки в палатах открывали глаза и видели абсолютную тьму, в которой даже собственные руки становились невидимы. Аварийные генераторы не завелись. Резервные батареи не включились. Тьма была живой — она давила на барабанные перепонки и пахла озоном, как перед грозой, которой никогда не случится.

Санитарка Нина Петровна шла по коридору с телефоном-кнопкой в руке, который вдруг перестал показывать экран. Она на ощупь добралась до родильного бокса №3, где лежала Марго — молодая женщина, которую привезли час назад с преждевременными схватками. Нина отворила дверь и замерла.

В боксе горел свет.

Не электрический. Не люминесцентный. Свет исходил от женщины. Точнее — от её живота. Кожа Марго стала полупрозрачной, и сквозь неё, сквозь мышцы и амниотическую жидкость, было видно дитя. Оно не шевелилось. Оно просто лежало, свернувшись калачиком, и его глаза... его глаза были полностью чёрными. Два овала абсолютного ничто.

— Что с тобой? — прошептала Нина.

Марго повернула голову. Её лицо было спокойным — слишком спокойным для женщины, которая должна рожать через пару часов. Без боли, без пота, без паники. Она улыбалась, и в этой улыбке было что-то чужое, будто кто-то за её спиной управлял мышцами её губ.

— Они уже здесь, — сказала Марго голосом, в котором слышалось эхо. Будто она говорила одновременно с собой и с кем-то, кто жил глубоко внутри. — Они ждали, когда человек научится видеть пустоту. Мы научились.

— Кто? — Нина попятилась к двери, но дверь захлопнулась сама. Без ветра. Без сквозняка. Просто захлопнулась, как челюсть.

Марго села на кровати. Её живот начал светиться ярче, и Нина увидела, что дитя внутри не переворачивается, не толкается — оно растворяется. Оно превращается в ту же тьму, что заполнила коридор. Чёрные зрачки расплывались, как капли в воде, заполняя всё тело ребёнка, превращая его в сгусток мрака, который пульсировал в такт сердцу матери.

— Мы пришли не за вами, — сказала Марго. — Мы пришли через вас. Вы — двери. Вы всегда были дверями. Просто забыли.

Нина закричала. Крик разорвал тишину, но никто не прибежал. Потому что в остальных палатах творилось то же самое. Четыре женщины в эту ночь должны были родить. Четыре ребёнка должны были появиться на свет с криком и слезами. Но вместо крика родились тишина и смех.

Нина выбежала в коридор и врезалась в главврача. Тот стоял посреди тьмы, не двигаясь. Его глаза были открыты, и в них отражалось... ничего. Просто чёрные зеркала, в которых не было даже силуэта Нины.

— Что вы сделали с ними? — прохрипела она, тряся его за плечо.

Главврач медленно, с хрустом, как у старого робота, повернул голову. И когда он заговорил, его голос был детским. Тонким. Звенящим.

— Мы не делали. Мы просто попросили пустить нас. Ты ведь тоже пустишь.

Нина почувствовала, как что-то вошло в неё через затылок. Там, где позвоночник встречается с черепом, возник холод, который пополз вниз по спине. Она ощутила своё тело со стороны, будто вышла из него и теперь смотрела на себя сверху. Её руки поднялись сами, ноги поднялись над землёй, она левитировала в воздухе. Её пальцы потянулись к лицу, ко лбу, к глазам...

— Смотри, — прошептал голос изнутри. — Смотри на свет.

Она заглянула в свои собственные зрачки. И в тот же миг они стали чёрными.

Через сорок минут после этого к больнице подъехали три чёрных микроавтобуса без номеров. Из них вышли люди в строгих костюмах, без опознавательных знаков. Никакой формы, никаких шевронов. Только маленькие серебряные значки на лацканах — стилизованный ковчег, плывущий по волнам. Организация называлась просто: «Ковчег». О ней не писали в газетах, о ней не знали даже в МЧС. «Ковчег» появлялся там, где реальность давала трещину, и забирал с собой всё, что могло её уничтожить.

Оперативники «Ковчег» прошли по коридорам первого этажа, включив инфракрасные очки. То, что они увидели, не поддавалось логике.

Тела санитарок, врачей и пациенток парили вдоль стен. Идеальными рядами. Их глаза были закрыты, но под веками что-то шевелилось — быстрые, конвульсивные движения, будто там, внутри, кто-то смотрел по сторонам. У каждой был расслаблен рот, и оттуда доносился звук — белый шум и ультразвук, похожий на помехи старого телевизора. Пахло озоном и ещё чем-то сладким, приторным, как переспелые фрукты.

В родзале нашли Марго.

Она сидела на кровати, скрестив ноги, и держала на руках четырёх младенцев. Как она родила их всех за сорок минут — никто не понял. Четверо детей лежали на её коленях и улыбались. Улыбались, не открывая глаз. Потому что глаз у них не было. Только чёрная гладкая кожа на месте глазниц, абсолютно плоская, без ресниц и век. Гладкая, как стекло. Белоснежные волосы и бледная кожа.

Один из оперативников, молодой парень по имени Родион, шагнул вперёд. Опустил прибор. Протянул руку, чтобы проверить пульс у одного из младенцев.

Младенец резко открыл глаза.

Чёрные.

Родион замер. Не упал, как тот спецназовец в другой версии этой истории. Он просто застыл, как статуя, и его лицо стало белым, будто вся кровь ушла в пятки. Он смотрел в эти чёрные глаза, и в них что-то двигалось — медленное, тягучее вращение звёзд, которых нет ни на одной карте неба.

— Родион, отойди! — крикнул старший группы, мужчина с седой щетиной по прозвищу Док.

Но Родион не слышал. Он открыл рот и заговорил. Не своим голосом. Тонким, детским, звенящим.

— Не трогайте их, — сказал он. — Они не ваши. Они наши.

Оперативники выхватили оружие — не автоматы, а какие-то странные устройства, похожие на старые камеры с широкими объективами. Док поднял руку, давая знак не стрелять.

— Младенец разговаривает через нашего человека, — холодно констатировал он. — Записать. Классифицировать как «Феномен-Чёрные Зрачки». Первая фаза контакта.

Марго подняла голову. На её лице застыла блаженная улыбка.

— Начинается, — сказала она. — Первая волна. Ваш «Ковчег» не спасёт вас. Вы слишком маленькие, чтобы плыть по такой тьме.

Док шагнул к ней. В его руке блеснул шприц с мутной жидкостью. Он сделал быстрый укол в шею Марго — и она обмякла, потеряв сознание. Но младенцы продолжали сидеть на её коленях, и их чёрные глазницы смотрели сквозь Дока, сквозь стены, сквозь само время и стены.

— Забираем всех, — приказал Док. — И мать, и детей. Ничего не оставлять. Всё в изолятор.

— Даже тех, что в коридоре? — спросил один из оперативников, кивая на стоящие тела.

— Особенно их. — Док поправил очки. — Они больше не люди. Они — гнёзда.

Пока «Ковчег» вывозил тела и младенцев, сработал аварийный протокол. Через двадцать минут в больницу въехали машины городской службы с символикой «Газпром-безопасность». Это была легенда. Официальная версия для новостей: утечка газа, взрыв, полная ликвидация здания. Сапёры заложили заряды, и в 5:02 утра больница №14 перестала существовать. Взрывная волна выбила стёкла в радиусе трёх километров, но это списали на техногенную катастрофу.

Однако у «Ковчеха» были свои протоколы. Они не уничтожают аномалии — они их изучают. Четырёх детей увезли в подземный комплекс под Уральскими горами, в секретную лабораторию, где работали лучшие физики, биологи и лингвисты. Но уже через три дня все четверо младенцев открыли глаза. Глаза, которые были абсолютно нормальными. Светлыми. Человеческими.

Никаких признаков черноты. Никаких аномалий. Дети плакали, ели, спали — вели себя как обычные новорождённые. «Ковчег» провёл сотни тестов, но ничего не нашёл. Феномен исчез, как будто его и не было.

Спустя месяц лаборатория закрылась, а детей передали в приёмные семьи. Под строгим контролем, с обязательной ежемесячной проверкой. Им дали имена: Иван, Светлана, Николай и — четвёртый, о котором в документах «Ковчеха» стоял гриф «особый контроль».

Четвёртого назвали Алексей.

Он был единственным, у кого глаза оставались голубыми, как небо, даже когда другие трое начали понемногу проявлять странности. Ивану в три года приснился сон, в котором он говорил на языке, которого не знал никто в лаборатории. Света рисовала чёрные круги на обоях, повторяя: «Они смотрят». Коля разговаривал с пустотой в углу комнаты.

Алексей просто рос. Ходил в садик, потом в школу. Никаких странностей. «Ковчег» снял с него наблюдение через пять лет, посчитав «чистым» образцом. Ошибкой природы.

Но в семь лет Алексей начал видеть сны.

Сны, в которых трое детей с чёрными глазами стояли у его кровати и шептали:

— Ты забыл, кто ты. Мы придём, когда ты вспомнишь.

Он просыпался с криком, но родители успокаивали его: «Просто кошмары, сынок, просто кошмары». Они не знали, что в ту же ночь, в тех же снах, дети с чёрными глазами появились у кроваток Ивана, Светы и Николая.

И шептали им другое:

— Пора открывать двери.

Прошло двадцать лет. Алексей стал обычным IT-специалистом, снимает квартиру в спальном районе Москвы, ходит на работу, пьёт кофе по утрам. Он не помнит своего рождения. Не помнит лабораторий «Ковчеха». Не помнит той ночи в больнице.

Но в последнюю неделю в его квартире начал гаснуть свет. Не выключателем, не пробками — просто уходил. Лампочки тускнели, экран ноутбука покрывался рябью, а по ночам из розеток доносился едва слышный белый шум, похожий на помехи старого телевизора.

А вчера, когда он возвращался с работы, на площадке между этажами он увидел три фигуры. Маленькие. Тихие. Они стояли спиной к нему, и их плечи чуть подрагивали, будто они беззвучно смеялись.

Алексей замер на полпути. Сердце заколотилось где-то в горле.

Он хотел позвать на помощь, но голос пропал. Только холод пополз по позвоночнику — тот самый холод, который он чувствовал в детских кошмарах.

Фигуры медленно, как одно целое, начали поворачиваться.

Он зажмурился. Сжал ключи в кармане до хруста в костяшках. Открыл глаза.

Никого.

Пустая лестничная клетка, тусклая лампочка под потолком, запах сырости. Только на полу, прямо у его ног, лежала маленькая монетка — старая, с потёртым гербом. И на ней была выцарапана буква «А».

Алексей поднял монетку, и в тот же миг в подъезде погас свет.

Полная, абсолютная тьма.

И из этой тьмы донёсся голос. Детский, тонкий, звенящий.

— Здравствуй, Алексей. Мы ждали.

Он не обернулся. Он знал: они ждут. Они всегда ждали.

Потому что Алексей — не просто человек. Он — четвёртый.

Четвёртый, который сбежал.

И они пришли забрать его обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.